

Виктор
Иррали

С А Д

1

Лину в саду.
 Посередине сада,
 обширного, как полная свобода...
 И даже если где-то есть ограда,
 то я —
 клянусь!
 искать её не буду.

2

Она ещё спала, моя душа,
 когда протиснувшись из балкона,
 в ночной, подсвеченный луною сад,
 встав во весь рост в деревьев тесный ряд,
 расставив руки в стороны и вверх,
 на силуэты походя дерез...

... И стоило мне руки развести,
 как я почувствовал, что надо зашести.
 Плетки разверзались у меня в руках,
 белей, чем лица, когда выделит их страх.
 И был так короток цветенья век,
 что был их аромат пронзительней, чем крик:
 — И отцветал..!
 но ощущал, как далеко —
 плоды завязывались у меня в ладонях...

... Тут я опомнился, что жить мне так нельзя,
 шная мне означена стезя...

Между деревьев раздирая путь,
 прикрыв глаза, чтоб не потерять.
 Дыханье стиснув, чтоб не задохнуть.
 Забив, зачем, чтоб не вернуться вспять,
 не шёл, но падал...
 головой вперед,
 расклинивая сад цветущий бород,
 и заглоснувшись в утренней росе,
 не выбрался, но выпал на шоссе...

Ограда не было...
 Шоссе текло вдоль сада...
 На противоположной стороне — сад продолжался...
 Не было ограды.

А значит — не было свободы мне.
 И я вступил назад
 со скоростью восхода,
 я двинулся назад,
 где посредине сада

... Она ещё спала, моя душа
 на дне зелёного вечногo балкона.
 Сквозило солнце меж его ветвей...
 Улыбалась что-то сиялось ей...
 Она жила от сада вдалеке...
 Но в яблоке надкушенном в руке.

3

В деревне Милюткино, что Плесского района
 я жил.

И просыпалась очень рано,
 с глазами непросохшими и в утренней росе,
 и лез в колхозный сад.

А в том саду росли
 и яблони и груши.

И деревьев этих кроме —
 свободные пронзростали кони.

Никто их не кормил,
 и на ночь ног не путал,

затем,
 что не было для них уже работы.

1968

ЗАГОВАРИВАЮ

(фарс)

Посвящая любимой женщине,
но какой, забав. Посвящая
любимому К.К.К., которого
не забуду.

Слова в пол-смысла
в пол-дыханья
и не по поводу,
а так
ронять нечёткие движения -
- Вы перепачкались вот тут и там.
На оттого ли поэтому
и потому,
что не унять, не снизить боли.
Коль не унять, хоть оттолкну.
Вполголоса
и вперемашку
с днем солнечным,
с дождливым днём,
забави ради -
перевёртны
вот небо мокнет под дождём.
Не убегай любви моей.
Мне всё прошедшее постыло.
И ослабел, мне не по силам
плыть одному среди морей
и бурь и подягов
и прочих аксессуаров.
Бум дождя
невинно слышать ночью,
когда прислушаться нельзя
и дышать твоему. Доверья.

Поэтому и потому
 сквозняк сквозит.
 Скрепит от двери.
 Ботинком возит по полу.

Поэзия, любви конкретность.
 Вот море, дождь, пустынный пляж.
 Вот на запятках
 взадь кареты
 хоршанький трясётся пак.
 А мы в карете, в бунтах, в флягах,
 при декольте и париках,
 и соблазненные локко вывет мои распутная рука.
 Вот спустилась на колени и ябок забирает зорех.
 О вак оборок, вак комичный —
 занутаться и бросить впору.
 — Мадам, — и говорю, —
 — позвольте...
 — Ах, что Вы, сударь, здесь... стикусь.
 — Я всё равно на повороте всем телом
 всем толчком прижмусь!

И миллионы ябок снизу,
 Как голуби из-под руки...
 Рога вырашивая муку,
 висаживаю черанки
 измен. Предательство. Покаяний.
 И отпущения грехов.
 — Мадам, — вепчу, —
 раздвинь колени, жизнь так заводится легко,
 что скучно,
 тошно мне, поверьте,
 крикаться в ваших зеркалах...

Труп выбросить на повороте,
 кровь вывести на рукавах.

И будет о любви. И хватит.
 Поговорим о чём другом.

Как летний ливень земля топчет,
 и хорошо ей под дождём.

Люблю я слёзы. Грёзы. Грозы.
 И обновенья смутный гул.
 Упругие как груди розы,
 упругие как розы груди.
 Люблю я диссонансы. Разве

затем любить я не могу?
 Зачем?

К чему? Не оттого ли?

Поэтому и потому,
 что
 не унять, не снизить боли,
 любимым быть я не могу.

Не будет о дожде. Он стих.
 Спокойна снова гладь залива.
 Иду вдоль берега

по пляжу.
 Песок в ботинок лезет. Выход
 мой движенье.
 Мой шаг задумчив

оттого ли
 поэтому и потому,
 чтоб

не увянуть,
 не снизить боли,
 любимым быть я не могу.

Не убегай любви моей!
 Мне всё грядущее постыло.
 Я ослабел.

Мне не по силам
 прожить поэзией одной
 свой век.

Мой бег окончен.
 Не потому ли

шум дождя
 невыносимо слышать ночью,
 когда прислушаться нельзя...

ПЛЯЖНАЯ КОМПОЗИЦИЯ

О добна Анна! (проваливается)
"Каменный гость"

Примечание. Дантес воткнул пулю
в живот Пушкину. Пушкин упал.
Дантес было бросился к нему.
Пушкин, приподнявшись на локте,
крикнул: "Назад, за мной ещё
остался выстрел".

Но солнечней, чем пляжное знакомство...
Что солнечнее пляжного знакомства?
- Ах не темните, заняли вы солнце.
- Нет, это сердце вами занялось,
Позвольте, уложу его я рядом.
- Пожакуйста, мне что, песка не жалко.

Гуляло и гадало побережье.
На берег набегали Афродити.
Как вас зовут?
А что?
А что?!
Наташа.

Расскажу Наташе сказку:
"Была-была курочка Аля
и несла она тухлые яйца.
То ли петух был паршивый,
то ли сама виновата..."

Кожа твоё песка горячее.
Свежи ли мои поцелуи?
Ах, милый, не надо, все смотрят.

Устроим на полуденное пьянство
за столиком прибрежного кафе
И будем пить вино, смотря на солнце,
и будем пить вино, мешая с солнцем.
К вину бы хороша кефаль
для диссонанса,
но мы на побережье Балтийского
и ради правды жезни грезим голландский сыр.

Но высьем за искусство
 оно лишь подлинно.
 А что есть жизнь?
 Димера.
 Что остаётся нам от прожитых веков?
 И как любовь моя к тебе измерить?
 Помню этих вот
 разболтанных стихов.

Так как тебя зовут?
 Ах да, прости Наташа.

Наташа, мы высьем за собаку,
 как выразился некий Пётр Чейгин.
 Зовут её Настя.
 Он был добрейший нёс,
 но умер.
 Но это было гораздо позже.
 Это будет гораздо позже.
 А сейчас его гуляют
 по садику на Кривверском проспекте.
 Там тоже солнце сыплется сквозь листья.
 Как я уже говорил, был чёран он,
 как чёрное на чёрном
 той ночью,
 когда он подошёл к моей постели
 и уложил лохматое дыханье в мою ладонь.
 Он был добр.
 и умер.

И Аленька, пойдём на солнце, я замерз.
 - Меня зовут Наташа.
 - Наталенька
 Пойдём на солнце, я замерз.

Гуляло и гадало поберекье.
 Наваливалось беженое лето.
 Меня томит,
 во мне тоскует нежность
 по ком, не знаю,
 может, и по этой.

- Что ты сказал?

- Что я люблю тебя.

О Боже, перепутай времена,
 какое вынает, в таком и появляться,
 есть, как случится,
 как по песку валиться,
 припоминать лаская имена.

Наталенька

Наташа

Наташа

Когда я твои раскосые раскосил?

"К барьеру, сволочь,
отстрелялись вы.
А у меня ещё остался выстрел."

Что ты сказал?

Что я люблю тебя.

Что мне осталось потерять немного

Тебя.

Тебя.

Тебя.

Ещё тебя.

И Бога.

Ф А Р С - Р Е К В И Е М

1

Этим летом я битовал по винным городам.
 Не путешествовал, а совершал круизы.
 Батуми. Сочи. Ялта... Сады твои, о Госпожи.
 О розы! Открытые, ванетные ветрам.

Я пляничал. Толкалось море в бок.
 Ходило солнце спелыми кругами.
 Я жировал.

Но позабыть не мог
 зимы.

И вас, друзья. И с вами
 Я не хотел бы лето кантовать.

2

Голубка села на карниз
 напротив окна поэта и переводчика Виктора Топорова.
 Подошёл к окну поэт Борис Куприянов,
 глянул...

и плел вниз.

Доглядел, пока долетит, и плел снова.

Надо вам сказать, что это высоко,
 что это двор колодец, что это выше
 телебашни и тех облаков,

из которых дождь,
 под моё белное сердце танцует дождь,
 под моё белное сердце,

по свежепокрашенной крыше.
 Надо вам сказать, что я её люблю.

Я жить не могу без тебя!

3

Мне казалось.
 Но так не случилось.
 Что оглянешься ты,
 если я не умру тебе вслад.

Мы сходились для жестокого дела любви.
 В нас немного осталось —
 две откровенные раны.
 Мы поруганы.
 Попраны.
 Новыми бойнями пыльны.
 Предаём снотой явью
 голодные, голые сны.

Но мне казалось.
 Но так не случилось.
 Коть оглнешься ты,
 если я не умру тебе вслед.
 Это так ничего. Презрения малость, как милость.
 Только в нашей любви
 к нашим
 даже презрения нет.

4

Привыкнул пистолет к виску.
 ТРАМ-ТА-РА-РАМ!
 Образовалась достаточно довольная дыра.
 — Душа моя,
 свободна ты. Лялуй. Беги.
 С трудом протянулась, морщиниста, как мозг.
 — Опять это мы не уберегли,—
 сказал мой друг Н.В.
 — А может, всерьез, раз он уже не мог жить дальше,—
 сказал мой друг М.В.
 — Как вдруг тибл....—
 звали, сказали оба.
 За гробом или:
 один, два, три...
 — И Вы здесь? Вот не ожидал. Благодарю Вас.
 К тому же под дождём.
 Н, впрочем, любил дожди. Не пролизнали. Нет.
 Осенние. Где до озноба каплет.
 Стекает по стеклу и по лицу.
 Двенадцать вестой октябрь или двенадцать пятый
 октябрь стекает?

И ТОЛЬКО В ВОЛОСАХ ТВОИХ ЕЩЕ
 ОСТАЛСЯ ЗАПАХ
 ТРАВЫ

ПРИМЯТОЙ ДОБЛЕСТЬЮ И ДОБРОТОЮ ТЕЛ.
 ГЛАЗА ТВОИ. В НИХ ВЫСОКО ЛЕТЕЛ
 НЕСЛЫШНЫЙ САМОЛЕТ...

но ослепали пчёлы, летя на даровой, в губной помаде, мёд.
 17, 18, 19, 20,

21.
 22.
 23.
 24.
 25!

ПЯТЬ ЛЕТ ВПРИТЫК. МЫ СОПРЯГАЛИ СТРАСТИ.
 ВЫКРИКИВАЛИ БОГУ ДУШИ ЗАГОДА.
 ПЯТЬ ЛЕТ ВПРИТЫК. НО НЕ ДОВЕЛ ДО СУТИ.
 КАК НЕ ДОБИЛСЯ СЕРДЦА ТВОЕГО.

ГАДЯТ СЛОВА, НАПИСАННЫЕ МНОЮ.
 МНЕ СТОЛЬКО СЛОВ, ЧТО ИХ НЕ ПЕРЕЖИТЬ.
 ТЫ! БЫВШАЯ ЖЕЛАННОЙ И ЖЕНОЮ,
 НЕ ПЕРЕСТАВАЯ БОЛЕТЬ И БЫТЬ.

ТЫ ЖЕНЩИНА! И ВСЁ ТБЕЕ ПРОСТИТСЯ.
 ЖИВИ И ЗАРАВСТВУЙ НА ЛЮБВИ ВПЕРЕД.
 СЧАСТЛИВЫХ ДНЕЙ, НАВИЗАННЫХ НА ПАВЬИМ,
 СУДЬБА У НАС УЖЕ НЕ ОТБЕРЕТ!

17, 18, 19, 20,

21, 22, 23, 24, 25. ну... мама, не плачь,

прости меня, пожалуйста,
 я больше не буду...

Я БОЛЬШЕ НИКОГДА УЖЕ НЕ БУДУ.
 ВСЁ ВЫШЕЛ В ГУЛЕВОЕ СЛОВО - "БЫД".
 Я В ОДИНОЧЕСТВО СОЛГАЛ СВОЮ СВОБОДУ.
 Я ПЕРЕВЕЛ В СТИХИ СВОЮ ЛЮБОВЬ!

ГАДЯТ СЛОВА, НАПИСАННЫЕ МНОЮ.
 МНЕ СТОЛЬКО СЛОВ, ЧТО ИХ НЕ ПЕРЕЖИТЬ!
 ЖИЗНЬ, БЫВШАЯ ЖЕЛАННОЙ И ЖЕНОЮ,
 НЕ ПЕРЕСТАВАЯ БОЛЕТЬ И БЫТЬ.

ТЫ ЖЕНЩИНА...

26, 27, 28, ну хватит, милая, 29, ну хватит! Милая, хватит
 и хорошо бы, чтобы за оградой ждал тебя автомобиль
 с достаточно надёжным человеком за рулём.
 Он выйдет и откроет дверцу перед тобой.
 И сядешь ты, придерживая сердце МОЕЙ! мною
 целованной рукой.

- Не холодно? - спросит он.

- Да нет. Немного зябко. - ответишь ты.

Рука его участливо легла.

Включил мотор.

Сквозь дождь.

И лишь негромкий запах духов твоих.

И музыка включённая светка.

5

Но я-то знаю!

Мне уже не умереть,

И эту ночь ещё переживу я,

Переживу ещё и эту смерть.

Бретельки опущу с нависших плеч

и грудь освобожу для поцелуев.

6

- Как жив, мой Дон Кван?
- Весь вывел в Казанову.
И слава Богу.

Так

И легче и честней
не унижать себя
не тешить их обманом,
а только успевать
снимать нагар с свечей.

1970

Но осень.
Летние заботы оставляю. Осень пью до дна.
Ласкан, конь уж ты под боком...
Но Господи! Как холодна.
И всё-таки,

с ильским пылом
Залезть. Замечь.
Проголосить, -
О Господи! Как ты уныла.

Мертва.
Пора и выносить.
И к кладбищу. И путь так долог.
Усталость натереть в пазухах.
Ну, а теперь - кончай! Геолог.
Глядишь - что снится, сторука.
Да, осень. Осень. Осень. Осень...
Посыпалась...

Осыротал.
Кого убил.
Кого забросил.
Кого по новой захотел.
Что ж осень? Как же мне вернуться,
как вывернуться из души
в кленовый мир,

где лист упал...
Нагнуться,
поднять...

Вот так и напиши.
Аллея. Лист упал. Нагнуться...
Аллея! Ночь! Петродворец!
Среди фонтанов целоваться.
- Мария! Я ещё внец.
- Мария! Я ещё Адам!
Возьми листочек, чтоб прикрыться.
- Мария, я уже отдам
вся библию, чтобы остаться
фонтаном,
дагушкой,

но знать,
что супротив в той же аллее
змея поцелуй мепчет Еве,
и ей уж
невтерпѣх

стоять.
Мария. Ночь. Петродворец.
В октябрь. В ночь. В промозглый холод.
- Мария. Я ещё внец!
Во мне ещё поёт мой голод.

ДЕКАБРИ

Андрей Вознесенскому

Ибо времени мало.
 Времени стало в обрез
 под полой
 И под пулю
 С крестом
 Под звездам
 Или без
 меня водит
 Или как водится так и живу
 Это время наводит
 дуло и
 дуло свое.

Зачерпнуть декабри.
 Захрустеть леденцом на зубах.
 Тишина.
 Или где-то собачий мне слыжится брех.
 Или бог.
 Ибо надо же слышать и слышаться в этом миру.
 Ибо надо же слышать и слышаться в этом миру.
 Быть собакою певчей.
 Быть собакою
 Или певчей
 поперехлест голосить на вру.
 На вру
 на кресте
 породствовать,
 на звезду
 и за суку повить.
 "Пес твой, вол, эпоха"
 (Вознесенский)
 Но волчьего в нас не забыть, Вознесенский.

Тишина.
 Захлебнуться.
 Застыть декабрём.
 Каждый год под картечью, как мухи.
 Но, может, к весне оживём
 и всплывём.

Это время
 позволит нам выжи.
 Но дульным зрачком
 взвзргнет.
 Как перчатку нас взвзргнет.
 (издается, Возвзргнетский)
 взвзргнет.
 Звзргнет и сучье звзргнет, Возвзргнетский.
 Саловья

раз спросили
 что роза еду, соловья.
 Как поэту Россия
 На выну,
 (тон и мик).
 Но лжею
 Но пою:
 Жизнь подобна сирени,
 Сирень, сиреней в увисеи
 В декабре и в сирени
 И в горе и в реде
 И в стое
 этой самой эпохе
 Приложится и тугому соску.
 (Жизнь заветная в похоть
 жить)

Вогорокину?
 Влядь?
 Но сосу.

2.

Декабрь к декабрю
 Декабрь по стеклу
 расплывшимся расплываает носом.
 Латеяльн он, но лет.
 и ми его не пустыи
 и усту нашему и к дружному тату.

Чаевичаем ми. Над нами абжур
 витает как...
 Но "как" оставим ми Анарев -
 придет, так сделает,
 а я так не умею. - Положи
 мне три кусочка, - говорит моя сладчайшая
 горчайших дней сластена.
 И я кладу. Они лениво тонут
 и растворяются...

Мой друг с лицом осеннего отлета

И
а

к
р
е
с
т

сквозь к р е с т

бинокельную призму
мне что-то говорит

и ждет ответа,

Но я преслушая — что, не говоря на это,
что всякая лена — соперница Отчизны.

А вот и ты, Андрей, с московского мороза,
целтвотик, Виракер.

А ну, заворони,
справки мой абажур с махровым махломом
налей погуще чай, поклади поклади.

Ты друествуем мы в декабрьские морозы,
так должествуем мы. И берем тепло.
И лютым декабрем рисованные розы
слетается к окну
и бьется о стекло.

ЗИМНИЕ ПЕЧАЛИ И ПОСЛАНИЕ

Вот зимней сад.
 Вот зимняя судьба.
 Что, мой заснеженный, помнитвася носом?
 Вот кто-то набросал следов и бросил,
 Вот кто-то потоптался без следа.

Мой дорогой,
 Метафору прощай,
 Оставшихся в зимних зачислим,
 Руской они еще нам подфартят,
 Подосвигнут,
 Ни их еще весной повеселим,
 Ни их еще рябинов потеним.

Сброшенная ваза жизни
 Сверх
 И свыше
 И наружу
 Что постремил, то порушил,
 На порушенном держусь.

Между тем идет зима
 Дворники
 По первой рани
 Наблюдая из окна
 Вку,
 Что кто-нибудь помянет.

Говоря, коснулся эрачком
 Енал
 Попутным снегом
 След в следок
 Запретным садом
 Поцелуем
 И молчком.

Продолева
 Вот судьба
 Снежные ее пределы
 Облизывают помялу,
 Хоть она и не маля.

Повторяю
Вот садик
Несколько они насадили
Идею судьбы моей репресии
Параллелью для судьбы

Говорю
Коснусь врачком
Иная
Понутным снегом
След в слухом
Запретным садом
Пополуем
К молчком

Он говорил:
 В нас нет ни в ком кулаки,
 В нас не нудается ни времени, ни пространство -

Никто -
 Ни женщина -
 На коей витанционнаем ни.
 Фундамент мироиздания,

О милая, прости мне сканство,
 Храмовника любви густое сканство,
 Крошечку горловую красноты
 И милая, наладившую на крови,
 И это позднее
 и зряно
 покалство.

Он говорил:
 вот я граву слова,
 Словесничая,
 Совершая слово
 И тем слышу от срама
 И до славы
 И кличаю у родни права.

Он говорил:
 Ну что ты так цедра
 От нищеты?
 На все четыре света
 Зачем ты расправляешь нас постов?
 Нам боговать,
 Но и тебе беда.

А впрочем, говорил он, Петя, друг,
 Сходи-ка на уголь, я проходя заметил,
 Там очередь стоит за "тридцать третьим",
 А я покуда девонюхою подруг.

Итак, эконоил:
 Ну да, я как он нын.
 Нет, не запой,
 Но все же перманентно
 В себя я потребляю инсургенты,
 В себя я потребляю индургенты,
 А впрочем, лучше посмотри в словарь.

Какую истину?! Нет, не знаю я толку
 Ни выдоха
 Ни выхлопа
 В выно.

Но если под руном нат соломки,
К тому не можно положить в бутылку
Послание,
Только кому писать?

Тебе злоба
И в ухо натекает,
А время тикает
И я как дождь стихаю,
Нет, кив еще...
Вот я и говорю, что приехал, со мною друг
мой Петя, которого послал за тридцать третьим
и не осидится, коль скоро прогони...

Он говорил:
Душа моя пуста.
Душе моей не надобен найдення,
Хоть бы кто,
Бенок,
Господь,
Змеяшка,
Халь, милая,
Смертельной
пустота

Он обещал:
С ладони прокормлю,
На дощечке души водам капаться
И ты закнишь горячко, как птица
И я прицелив
Как это
Добля.

Он говорил:
Вся жизнь я в мастерах
Вся жизнь я сам
И Самая
Я самоз
Господствую
И все
со словом
смыс,

А мне бы
Поработь
В учениках.

Торжественно:
На кой мне лад слова,
С меня довольно
славных
недомстий:

"Ау"...
И "Ах"...
И всех
И слов праматерь
Ссильную
Яблочное
"А!"

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АРСОНОВА

Эпиграфы:

"Я позабыл древнюю стихотворную игру.
Я просто люблю."

Аполлинер

"- Кафетерий на углу Владимирского и
Невского..."

- Ротенда?

- Вам все еще никак Париж не позабыть!

Ширли

"Нам целый мир чужбина,
Отечество нам Марское Село."

Пушкин

I

Борису Курьянову

Боль твоя высока.
Разве только собака услышит.
Или Бог.
Если он еще не оглох, как Бетховен.
Ничего он не видит, ничего он не слышит.
Знай себе музыку пишет.
До него написал ее Бах.

Милый мой,
Как ты плох.
Ты небрит и разит перегаром.
Ты к "Сайгону" подходишь, чтоб одному не стоять
глаз на глаз с этим городом.
Многие девушки ходят
проходят
с крепким туристским загаром.
Тебе хочется
очень хочется
их целовать.

Эти девушки любят поцеловать.
А ты им в висок наставляешь
дни и раны свои.

Некрасивый свой рот расевашь,
 межзвездным осеню рыгашь,
 полюбить и отдалиться пугашь.
 Слава Логу, не слышат они
 и проходят
 Уходят...

Ты смотришь им вслед,
 но недолго.
 Мой бедный,
 мой славный поэт.

Доставь записку и письмо.
 Ничего ты не видишь,
 ничего ты не слышишь,
 Знай себе нуэчку письмо...

2

Петру Чайкину

Ты подходишь к "Сайгону", чтоб одному не стоить
 глаз на глаз с этим городом.
 Ты не вноси,
 потому и не горбишься.
 Жил грибок. Панибрат.
 Время грибное стоит.
 До верку наделив лукошко,
 бессонная девочка
 спит
 и видит тебя,
 ты глядишь на нее
 сквозь витрину
 в окошко.

Время грибное стоит.
 Под асфальтом грибная земля,
 иногда вспоминая про это,
 грибочком просиживает и я,
 каково же тебе,
 панибрату
 осенним лесам...
 Собирай, твое время поспело,
 собирай, пока есть тебе дело

И лесов не останется нам.
 И грибов не останется нам.
 Разве что шампиньоны в пещерах бомбубежия.

3

Виктору Кривулину

Когда душе захочется пожить четырехстолевым лимбом,
 я сакусь
 на Витебском в одну из электричек,
 и еду в Парское Село.

крошечный мой
мой дерзкий
необделанный царскосельским детством
как ты
как я
как наш свирепый век.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

I

Ничего не остается
Кроме-разве ждать весны
Где-то там она посетит
Синеглядином цветет.
Мальчик Боря Куприянов
Шекочет прутиком ее.
А вокруг олеут барашки
В зеленеских полях.

2

Ни хуй себе зима
Во морези забодали
Завелксь и забалдели
От российского вина.
А с бардака и на работу.
Благолепствовать.
Работь.
Век велеречивь в блявоту.
Стерном. Стервой закусить.

5

А когда подошла лошадь
Подошли хозяева
И начали невнятно слушать
Как качал я права
И на эту лошадь
А на
Всех других зверей и птиц.
Из-за пазухи я вынул
Показал
Это птенец
Любит он сырое мясо
Потому что он Орел.
И на труп его набросил
И царским глазом посмотрел.

6

А в том саду пвела такая муть.
 А в том саду такая пьянь гнездилась
 И гроздь меднобрых мух
 На сытые тела плодов садилась.
 И зной зверя на жирном том пиру.
 И я глядел не отвращая взора, -
 Не оборачивался знав и ору,
 Чтоб не подглядывали дети в щель забора.

9

Закатывался век.
Заядлый эпилептик.
Я подошел.
Не посторонний все ж.
И простней прикрыл.
Вот так смотреть мне легче.
Вот так он на рожищу похож.

10

По первому снежку.

Снежочку в рукавице.

Гулять с гуленом

Отроковицей

Поцеловать.

Замешкаться.

Смешаться.

Не стоило тебе

со мной яшаться.

Что-то мне, дружок, не по себе,
 Дворь какая-то елозит по нутру.
 И не пишется,
 а осевь на дворе,
 А не пишется —
 и жизнь не ко двору.

Что-то мой инструмент закудал,
 Кроме смеха и не вынешь ничего.
 То ли как младенчика заспал,
 То ли оттого что — ни
 кого —

Разве ты, моя флейтисточка, сумей,
 Пальчиком по дырочкам станцуй
 Что-нибудь такое
 Понедней
 И позалобней,
 Особенно к концу.

Кроме музыки мне нечего уметь.
 Хоть и простенька мелодия моя,
 Но умал ее я выводить,
 Слез не пряча
 И Глагола не тая.

Брал меня Господь
 И подносил к губам,
 В ранн мои
 Вкладывая персти
 И наигрывал,
 И аз воздам
 Этой музыкою
 С Божьего
 Диста.